

УДК 81'373.611: 811.161.1

DOI <https://doi.org/10.26661/2414-9594-2020-1-1-2>

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Бердник Л. В.

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры перевода

Национальный технический университет «Днепропетровская политехника»

пр. Дмитрия Яворницкого, 19, Днепр, Украина

orcid.org/0000-0003-2934-2381

berdnyk.l.v@gmail.com

Ключевые слова:

словообразовательная категория, тип, девербатив, наименования деятеля, внутренняя гипер-, гипоформа.

В статье исследуется проблема выявления закономерностей организации словообразовательной категории наименований/имен деятеля. Анализируется специфика целостной структурно-семантической взаимообусловленности отдельных компонентов глубинной семантики производного слова с учетом представления о внутренней форме как связующем звене между ономаσιологической и семасиологической характеристиками производного слова, иными словами, между внешней оболочкой деривата и его внутренним содержанием. Реализуется когнитивный подход с целью изучения системной организации отглагольных производных наименований деятеля. Результаты исследования показывают, что специфика словообразовательной семантики девербативов в рамках словообразовательного типа в современном русском языке обусловлена совокупностью факторов, а именно: характером внутренней формы, которая закладывается в основу наименования; многопризнаковостью именуемого денотата; валентностью производящего слова; особенностью лексической семантики производящего слова; частными словообразовательными значениями образуемой номинативной единицы (лицо, предмет, место); наличием/отсутствием коннотации; возможностью употребления производного слова в переносном значении. Отмечается, что внутренняя форма соотносится с семантикой деривата как частное по отношению к целому. В свою очередь в словообразовательном типе выделяются номинативные группы, в которые входят отглагольные наименования деятеля, объединяемые по общему метапризнаку – внутренней гиперформе – на основании таксономических отношений индивидуальных признаков производных слов – внутренних гипоформ имен деятеля (по аналогии с существующими понятиями гипонима и гиперонима). Подчеркивается, что системный выбор поверхностной структуры производного слова зависит от специфики всех слагаемых его внутреннего комплекса. Отмечаемые аспекты способствуют пониманию потенциала словообразовательных типов/их продуктивности, что позволяет прогнозировать закономерное появление производных слов в рамках того или иного типа, тем самым формировать перспективы развития языка.

ВНУТРІШНЯ ФОРМА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ УЯВЛЕННІ ПРО ЗНАЧЕННЯ ПОХІДНОГО СЛОВА

Бердник Л. В.

*кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри перекладу*

Національний технічний університет «Дніпровська політехніка»

пр. Дмитра Яворницького, 19, Дніпро, Україна

orcid.org/0000-0003-2934-2381

berdnyk.l.v@gmail.com

Ключові слова: *словотвірна категорія, тип, девербатив, найменування діяча, внутрішня гіпер-, гіпоформа.*

У статті досліджується проблема виявлення закономірностей організації словотвірної категорії найменувань/імен діяча в сучасній російській мові. Аналізується специфіка цілісної структурно-семантичної взаємозумовленості окремих компонентів глибинної семантики віддієслівного найменування з урахуванням думки про внутрішню форму як сполучну ланку між ономасіологічною та семасіологічною характеристиками похідного слова, іншими словами, між зовнішньою оболонкою деривата та його внутрішнім змістом. Реалізується когнітивний підхід з метою вивчення системної організації віддієслівних похідних найменувань діяча. Результати дослідження показують, що специфіка словотвірної семантики девербативів у межах певного словотвірного типу в сучасній російській мові зумовлюється сукупністю чинників, а саме: характером внутрішньої форми, що лежить в основі найменування; багатоозначковістю денотата, який потребує своєї назви; валентністю твірного дієслова; особливостями лексичної семантики твірного дієслова; частковими словотвірними значеннями похідного найменування (наприклад, особа, предмет, місце); наявністю/відсутністю конотації; можливістю вживання похідного слова в переносному значенні. Відзначається, що внутрішня форма співвідноситься із семантикою слова як часткове стосовно загального. Своєю чергою, у словотвірному типі виділяються номінативні групи, до яких входять віддієслівні найменування діяча, що об'єднуються за загальною метаозначкою – внутрішньою гіперформою – на підставі таксономічних взаємовідношень індивідуальних ознак похідних слів – внутрішні гіпоформи імен діяча (за аналогією з такими поняттями, як гіпоніми та гіпероніми). Підкреслюється, що системний вибір поверхневої структури похідного іменника залежить від специфіки всіх складників його внутрішнього комплексу. Робиться висновок, що аспекти, які визначаються, сприяють розумінню потенціалу словотвірних типів, тобто їх продуктивності. Це дає змогу прогнозувати закономірну появу віддієслівних найменувань діяча в межах того чи того словотвірного типу, тим самим формувати перспективи розвитку російської мови.

THE INNER FORM IN CONCEPTUAL REPRESENTATION OF THE MEANING OF A DERIVED WORD

Berdnyk L. V.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Translation
National Technical University Dnipro Polytechnic
Dmytra Yavornytskoho ave., 19, Dnipro, Ukraine
orcid.org/0000-0003-2934-2381
berdnyk.l.v@gmail.com*

Key words: *word-forming category, type, deverbative, derivatives denoting the doer of an action, inner hyper-, hypoform.*

The article deals with the problem of revealing the regularities in the word-formative category organization as far as derivatives denoting doers of an action are concerned. The specificity of the integral structural and semantic interdependence of the individual components in the underlying semantics of a derived word is analyzed, the notion of the inner form as a connecting link between the onomasiological and semasiological characteristics of a derived word (in other words, between the outer shell of the derivative and its inner content) is taken into account. To achieve the objective of studying the systematic organization of derived words denoting doers of action, the cognitive approach is employed. The research results show that the choice of the word-formative type in the modern Russian language is determined by a combination of factors: the nature of the inner form; the variety of attributes of denotatum; the valency of the base word; specifics of the lexical semantics of the base word; specific word-formative meanings (for example, whether the doer is animate or inanimate); the presence/absence of connotation; the possibility of using a derived word in a figurative meaning. It is noted that the inner form correlates with the semantics of the word as the particular/specific does in relation to the general. In turn, in the word-formation type, groups of derivatives are distinguished according to a common meta-attribute (inner hyperform) on the basis of taxonomic relations within the confines of individual attributes in derived words (inner hypoforms) denoting doers of action (by analogy with existing concepts of the hyponym and the hyperonym). It is emphasized that the systemic choice of the surface structure of a derived word depends on the specific originality of all the components of its internal complex. The noted aspects contribute to understanding of derivation potential for a word-formative type. The conclusion is drawn that a regular coinage of derived words can be predicted within the framework of a particular word-formati

Актуальность когнитивного направления в лингвистике обусловлена интересом к выявлению закономерностей организации словообразовательной категории наименований деятеля. Исследование когнитивных аспектов словообразования, а именно механизмов номинации в рамках отглагольных наименований, с учетом представления о внутренней форме (ВФ) как связующем звене между ономаσιологической и семасиологической характеристиками производного слова, способствует пониманию потенциала словообразовательных типов (СТ). В этой связи понятие ВФ, активность ВФ в процессе номинации, соотнесенность ВФ и словообразователь-

ного значения (СЗ) в дериватах с семантическими приращениями (СП), степень обязательности СП в них, соотношение общих и частных СЗ в рамках отдельного СТ – это вопросы, которые еще ждут своего решения [1; 2; 3].

Комплексный подход к исследованию специфики целостной структурно-семантической взаимообусловленности отдельных компонентов глубинной семантики производного слова открывает новые перспективы раскрытия сущностных характеристик производного слова, тем более, что «организация словообразовательного материала по тематическим словообразовательным значениям еще не проведена» [13, с. 88] окончательно

и нуждается в систематизации. Цель статьи – проанализировать совокупность факторов, определяющих системный характер связи ВФ и словообразовательной семантики девербативов в рамках отдельных СТ.

Объектом исследования являются производные слова со значением деятеля – номинативные единицы языка, представляющие словообразовательную категорию, в основе которой лежит значение «производитель действия»/«носитель процессуального признака». Категория имен деятеля включает «все типы аффиксальных, композитных и конверсивных моделей одушевленных и неодушевленных существительных», в семантике которых «реализуется концепт активного начала» [19, с. 4].

Предмет исследования – однофункциональные (со значением деятеля) отглагольные наименования, составляющие СТ на =чик/щик, =льщик, =тель, =(н)ик, =льник.

Производное слово, сравниваемое П.А. Флоренским со «сбившимся в комок предложением» [25, с. 126–127], является зеркалом мышления человека, его восприятия и членения универсума, т. к. именно производное слово позволяет понять, «какое концептуальное, или когнитивное образование подведено под «крышу знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [12, с. 23].

«В отношении категории деятеля можно утверждать, что в концептуальном пространстве АКТИВНОЕ НАЧАЛО концепт АГЕНС занимает центральное место. Однако его концептуальное развитие в процессе категоризации и концептуализации мира ведет к тому, что агентивной функцией наделяются машины, инструменты, средства материального и нематериального воздействия на человека и на материальные и нематериальные объекты» [19, с. 25].

А.А. Потехина, М.М. Покровский, К.А. Левковская, В.В. Лопатин, И. С. Улуханов и др. фундаментально обосновали такой языковой факт, как характерное для отглагольных существительных общее СЗ «производитель действия, названного производящей основой» («субстанция, имеющая отношение к процессу» [23, с. 85]), которое наблюдается в наименованиях и с личной, и с предметной семантикой. Мысль о том, что инвариантное категориальное значение деятеля конкретизируется рядом частных значений (ср. «субъект действия», «орудие, средство осуществления действия», «объект действия», «результат действия», «место действия») подтверждает Н.А. Янко-Триницкая: «Происходит изменение значения слова по функции, свойственное любому языку. Сначала отдельные слова, обозначающие лиц, начинают употребляться переносно для обо-

значения предметов, а вслед за тем и способы образования названий лиц становятся способами для образования названий предметов... В дальнейшем возможно еще большее расширение значения словообразовательного типа или сужение его до обозначения только названий предметов в осуществлении тенденции к специализации суффиксов» [22, с. 202].

Сделав установку на то, что «динамическая модель словообразовательного процесса» представляет «ход мыслительной деятельности человека по созданию производного слова» [19, с. 14], необходимо исследовать «наиболее общие концепты, которыми оперирует человек в ходе создания производных имен деятеля» [19, с. 11], в частности, концепт процессуального признака, передаваемый производящим глаголом производному наименованию деятеля. При этом результаты познавательной деятельности рассматриваются на уровне словарной дефиниции в ее соотношении со словообразовательной моделью.

Словарная дефиниция, эквивалентная производному имени деятеля, представляет собой «особый тип синтаксической конструкции» [7, с. 289] с экспонированными связями и актантами производящего. Производное слово, в свою очередь, является редуцированным эквивалентом-номинацией, на уровне которого синтаксическая связь проявляет себя в латентном качестве, иными словами, представляет собой редуцированный результат «разворачивания» связей производящего в дефиниции [ср.: 5, с. 141].

Отглагольные имена деятеля выражают свернутую ситуацию действия, предикатом которой выступает производящий глагол (вне зависимости от того, входит ли именуемый объект в соприкосновение с человеческой деятельностью или нет, напр., *плавник*, *валежник* и др.). Анализ номинативных единиц дает представление не только о том, «как организовано знание об определенном участке языковой картины мира – человеческой деятельности с точки зрения ее исполнителя и средств ее реализации» [19, с. 8], но и с точки зрения исполнителя ситуации действия, которыми оказываются и *место*, и *результат действия*. Это позволяет «обнаружить определенные корреляции между когнитивными и языковыми структурами» [19, с. 14], в частности, между компонентами смысла, слагающими семантику производного наименования деятеля (ВФ+СП+СЗ=лексическое значение ЛЗ) и их вербальным выражением. Результаты исследования показывают, что выбор внешней оболочки деривата обусловлен совокупностью факторов: характером ВФ; многопризнаковостью денотата; валентностью производящего слова; особенностью лексической семантики производящего слова; частными СЗ; наличием или

отсутствием коннотации; возможностью употребления производного слова в переносном значении (метафора, метонимия).

Многопризнаковость денотата находит свое выражение в разветвленной номенклатуре названий одной реалии (ср. оттенки бурого цвета в арабских диалектах; оттенки белого цвета в языках народов севера), а также потенциально возможных наименованиях, которые позволяют выделить тот или иной аспект (свойство, качество, характер) именуемой реалии, наиболее существенный в данный момент речевого высказывания, обусловленного коммуникативной направленностью. Именно многопризнаковость денотата способствует разнообразию наименований. Предмет (субъект/явление) получает название благодаря отличающему его признаку, присущему ему, причем таких признаков может быть несколько.

Иногда не только главные, но и второстепенные свойства (признаки, черты) могут стать основанием для возникновения наименования. Выделяя конкретный признак, субъект стремится выразить свое индивидуальное восприятие именуемого объекта, явления. Признак, по которому дается название предмету, принято называть ВФ слова. Акцентуализация того или иного признака, иными словами, выбор ВФ является определяющим фактором в создании новых слов.

Термин «внутренняя форма» был введен в лингвистику В. Гумбольдтом и относился к языку в целом. Ученый стремился представить ВФ как специфический для данного языка способ объединения звукового материала и смысла психического содержания, «духа народа».

В.Н. Телия приходит к выводу о том, что ВФ «может быть охарактеризована по разным параметрам-ипостасям: по структурно-семантическому признаку, когда она определяется как «след» производности, по номинативному, где ее определяют как признак, лежащий в основе номинации, по когнитивному, где внутренняя форма соотносится с признаком того понятия, на основе которого формируется новое понятие, по метафорическому, когда внутреннюю форму рассматривают как *tertium comparationis*, по экспрессивному, когда эта сущность интерпретируется как ассоциативно-образное основание для оценки и т. п.» [24, с. 80]. Причина споров относительно дефиниции концепта ВФ объясняется скорее всего неразграничением этих функций ВФ. Между тем, ключевым моментом в формировании этого понятия должны быть «сведения, характеризующие цель номинативного использования» [24, с. 80] (ср.: «внутрішньоформна концептуальна ознака створює своєрідне русло, в якому здійснюється процес номінації» [4, с. 252], «вона

здатна окреслювати потенційний сюжет, формувати натяк, сигналізувати про можливі смислові ходи» [4, с. 260]). В этой связи предлагается переосмыслить традиционное представление о ВФ как исключительно индивидуальном признаке, лежащем в основе наименования. С этой целью вводятся понятия «внутренняя гиперформа» и «внутренняя гипоформа» [1].

Следует отметить разницей в терминологии, связанной с понятием ВФ (*буквальное значение, этимологическое значение, этимон, след производности, субъективный образ объективного мира, семантическая метка лексического значения, мотивировочный признак, общий признак, индивидуальный признак* и др.). Некоторые лингвисты не признают лингвистического статуса этой универсалии, что уводит от сути проблемы, подтверждает тем самым ее сложность. Приведенные термины не могут быть признаны аналогами ВФ в силу того, что затрагивают иные стороны единого семантического комплекса слова.

Необходимо учитывать, что ВФ слова – это номинативно-словообразовательная универсалия, посредством которой в поверхностной структуре деривата объективируется признак денотата/сигнификата.

ВФ соотносится с семантикой слова как частное по отношению к общему. В свою очередь в словообразовательном типе выделяются группы deverбаливов по общему метапризнаку – внутренней гиперформе – на основании таксономических отношений индивидуальных признаков производных слов – внутренних гипоформ имен деятеля (по аналогии с существующими понятиями гипонима и гиперонима). Предлагаемое разграничение понятий внутренней гипер- и гипоформы расширяет представление о ВФ слова, позволяет выявлять резервы для системной вербализации комплекса смысловых фрагментов в той или иной производной структуре. Например, различаем на фоне частного СЗ «лицо» общий метапризнак «*профессионально выполняемое действие*», на которое указывают производящие глаголы (через опосредованное звено существительных), и частный *индивидуальный образ* в прослеживаемой детализации технологического процесса в производных *протирик, обтирик; разлищик, отлищик; накатчик, перекачик, выкатчик, прокатчик; нарезчик, обрезчик, срезчик; «профессионально выполняемое действие веществом»* в наименованиях *никелировщик, оцинковщик, хромировщик, эмалировщик, золотильщик, серебряльщик, солильщик* и т. д. Дериваты на =*тель* с частным СЗ: «*лицо, которое осуществляет названное основой производящего глагола действие*», отличаются, например, фиксируемый внутренними гипоформами производных (негативно) оцениваемый

обществом характер поступков, поведения (*льстител*, *мстител*, *подстрекател*, *притеснитель*, *похитител*, *попустител*, *предател*, *растлитель*, *разоритель*, *соблазнитель*, *стяжатель*, *совратитель*, *осквернитель*, *губитель*, *истязатель*, *вымогатель*); интеллектуальный круг деятельности (*просветитель*, *повествователь*, *исследователь*, *писатель*, *преподаватель*, *учитель*, *обозреватель*); испытываемые/направляемые на кого(что)-л. чувства (*очарователь*, *обаятель*, *созерцатель*, *любитель*, *мечтатель*, *воздыхатель*, *обождатель*, *пестователь*, *ласкател*, *увеселитель*). В производных словообразовательного типа на =(н)ик фиксируем признак каузирности: *воспитанник* (тот, кого воспитывают), *отпускник* (тот, кого отпускают), *отличник* (тот, кого отличают), *призывник* (тот, кого призывают), *избранник* (тот, кого избирают) и т.п. Внутренняя гиперформа наименований на =льник указывает, например, на физический (природный) способ (воз)действия с целью решения хозяйственно-бытовых ситуаций, к которому имеет отношение *деятель* с частным СЗ «предмет» (*морозильник*, *холодильник*, *светильник*, *будильник*, *умывальник*) и т.п. [1].

Установление типа отношений производности определяет сущность СЗ, которая представляет собой семантическую абстракцию, возникающую в результате обобщения типичных семантических отношений производного и производящего. Словообразовательный формант приобретает значение, которое повторяется в целой группе слов, носит обобщенный характер и имеет идентичное формальное выражение. Образованное слово включается в лексическую систему и начинает в ней функционировать. Как уже отмечалось, приобретаемые дополнительные элементы значения, не выраженные материально, возникают благодаря возможности человеческой памяти: привычно, что «субъект» выполняет какое-либо действие, что действие направлено на «объект», что оно выполняется каким-либо «инструментом», приводит к определенному «результату» и т. д. Иначе говоря, память обладает способностью концептуализации системы типовых связей: «действие – актанта, действие – объект действия, действие – реципиент, действие – направленность, действие – средство действия, действие – локализация действия, действие – время действия» [6; 7; 26, с. 14–17].

Ю.Н. Караулов эти типы связей представляет как обобщение, усреднение семантических связей, установленных для словообразовательных отношений [6, с. 239]. «Как только мы нашли необходимый предикат, он диктует «полагающиеся» ему аргументы, которые должны заполнить определенное количество мест в соответствии с семантикой данного глагола и числом его валент-

ностей» [10, с. 104], т. е. возможность новых референций отглагольных дериватов детерминирована потенциальными актантами производящего глагола, всплывающими в ситуации речевого общения (контекст) либо в дефиниции.

Иными словами, в значениях производных слов реализуется способность производящего слова выражать актантные связи (стандартный набор отношений), латентность которых в производной среде создает тот самый пропозиционально-смысловый подтекст, позволяющий выразить в лексическом значении образуемого или уже функционирующего производного «нечто большее, чем то, что содержится в совокупности значений его составных частей» [18, с. 81]: *проигрыватель* – не тот, кто проигрывает (в карты, в шахматы), *писатель* – не то, чем пишут, *делитель* – не тот, кто делит, *множитель* – не тот, кто умножает и т. д.

Предметные связи, находящие языковое выражение в фиксируемых дефиницией или самим производящим предикативных связях, имплицитно существуют после «свертывания» в производном слове. Латентный характер этой связи является одним из источников фразеологичности семантики производных слов. При отглагольном именовании «пучков смыслов» внутренняя предикация входит в номинацию в скрытом виде, и, являясь словообразующим звеном, частью данной номинации, влияет на ее характер, т. е. сказывается на определении значения слова и его номинации. Иными словами, если в системе имеет место А (здесь конкретный вид предикативной связи), то в ней наблюдается Б (коррелирующая вербальная оболочка) [16, с. 49].

Имплицитное присутствие всех связей производящего глагола в производном слове (и в памяти носителя языка) обеспечивает динамику значения, что позволяет в конкретной ситуации в соответствии с замыслом актуализировать и вербализовать «нужную часть значения», т. е. формализовать новое содержание в искомой номинативной единице, и в то же время «регламентирует диапазон допустимой подвижности знаков» [11, с. 66].

По определению Е.С. Кубряковой, производное слово – это «такая единица наименования, которая, формируясь, проходит путь от знака – сообщения к знаку – названию [9, с. 25], а семантические отношения ономаσιологического базиса, признака и связки-предиката носят пропозициональный характер» [19, с. 14]. Иными словами, уже сформированному значению с учетом константного характера корреляции семантической и синтаксической связей между производящим глаголом и его актантами подбирается мотивированная, производная, вербальная оболочка (имя), «рациональная, оправданная, объяснимая и понятная» [20, с. 33; 21, с. 81].

Непременное и сознательное воздействие на организацию производной лексики, основывающееся на повторяющихся отношениях словообразовательных моделей, вытекает из стремления человека к упорядоченности (в языке в том числе). Устанавливаемые в словообразовании «нормы» ориентированы, во-первых, на традицию (ретроспективная): так следовало бы сказать; во-вторых, на распространенность (дескриптивная/узуальная): так говорят; в-третьих, на «идеал» (прескриптивная), как правило, являющаяся предметом исследовательских дискуссий и рекомендаций: так следует сказать [15, с. 29].

Иными словами, наблюдается вероятностная детерминированность. Производное слово, в частности, как логическая схема реализации коммуникативных потребностей человека и хранения информации [8; 16, с. 521; 17, с. 59] фиксирует типы отношений в специфических словообразовательных структурах, связывающих планы выражения и содержания (ср.: учитель – ученик; воспитатель – воспитанник; избиратель – избранный; красильщик – краситель; паяльщик – паяльник; купальщик – купальник и др.).

Идея «о существовании синтаксиса слова» (Э. Селкирк), появившаяся в результате достижений в области трансформационного синтаксиса, получила развитие в ходе разработки теории номинации в когнитивном аспекте, признавшей органическую связь номинации и предикации» и установившей, что «пропозициональный характер суждений об обозначаемом является одним из видов структур представления знаний» [19, с. 13]. Наблюдения исследователей подтверждают, что «сочетаемость производного слова и производящего совпадает не всегда» [14, с. 19]. Отмечается, во-первых, более широкий спектр актантов и комплементов у производящего глагола по сравнению с производным именем; во-вторых, факультативность у производных актантных связей, обязательных для производящего глагола; в-третьих, способность производного, в отличие от производящего, употребляться абсолютивно [14, с. 19]. Однако факт системного характера словообразования неоспорим. Словообразовательные форманты в результате включения в состав производящего креатируют «не только разные типы структуры, но и слова, различные по типу информации, ими передаваемой» [16, с. 357].

Таким образом, значение производного слова не может быть сведено к простой совокупности слагаемых словообразовательных компонентов, фиксирующих элементы смысла-значения без учета их функциональной целостности в динамической системе слова. Единый комплекс производного слова требует к себе такого же комплексного всеобъемлющего подхода при рассмотрении.

Поскольку «человек в своей предметно-практической и познавательной деятельности либо устанавливает новые отношения, либо обнаруживает уже известные ему отношения между новой совокупностью объектов» [11, с. 115], то структура слова должна органично сочетать сознание и действительность, проявляющиеся в соотношении номинативной, сигнификативной и денотативной сторон слова [6, с. 13].

Номинативная сторона производного слова представляет собой видимую результативную часть глубинного семантико-синтаксического комплекса. Производные слова «как единицы номинации в целом характеризуются как синтетические знаки, т. е. синтезирующие свои значения под «крышей» единого знака – универба» [11, с. 43].

Анализ лексикографического материала показывает, что общее категориальное значение «*деятель*» в отглагольных наименованиях реализуется рядом частных СЗ. Соотношение реализуемых производными наименованиями частных СЗ в пределах СТ отличает их (типы) друг от друга, создавая специфическое представление о каждом, в частности, о степени их полицентричности/моноцентричности (так, в СТ на =льщик доминируют производные с частным СЗ «лицо», в СТ на =льник – «предмет», отличительной особенностью СТ на =тель представляется способность целого ряда производных наименований совмещать два (и более) частных СЗ).

В свою очередь внутренняя гиперформа производного слова – основополагающий типовой признак, выделяемый в рамках группы/-ы наименований в пределах СТ. Представление о ней появляется в результате анализа внутренних гипоторм – индивидуальных признаков, лежащих в основе отдельно взятых номинативных единиц, входящих в состав СТ. Иными словами, индивидуальные признаки представляют собой частную реализацию (*гипоторму*) более общего признака (*гиперформы*), объединяющего своим характером под «единой крышей» словообразовательного типа группы производных единиц. Введение терминов «внутренняя *гиперформа*» и «внутренняя *гипоторма*» оправдано тем, что они помогают, во-первых, разграничить таксономические подгруппы наименований деятеля в рамках одного словообразовательного типа, во-вторых, обосновать закономерности системного строения словообразовательной семантики номинативных единиц на материале отглагольных имен деятеля в современном русском языке.

Кумулируя значения мотивирующих глаголов, внутренняя (гипер-) гипоторма выступает стержневым составным компонентом семантики группы производных наименований; одновременно явля-

ется и носителем идейной информации, и координатором внешней структурной формы деривата, диктует тот или иной способ образования производных слов (на основании сходства/отличия основополагающей идеи) и развитие их значения. Взаимодействие и соотношение связей (предикативных, семантических, логических, ассоциативных) производящего слова и внутренней (гипер-) гипоформы девербатов определяют выбор релевантной словообразовательной формы, и, следовательно, качественное своеобразие производного слова как представителя СТ.

Необходимо подчеркнуть, что выявленные в результате проведенного исследования специфические аспекты взаимодействия компонентов композиционной семантики отглагольных производных слов не представлены в чистом виде в СТ. Отмечаемая тенденция доминирования в СТ наименований с той или иной внутренней (гипер-) гипоформой имеет относительно регулярный характер. Тем не менее, это то, что отличает один СТ от другого на уровне слагаемых смысла производных слов при всем наблюдаемом в СТ многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердник Л.В. Внутрішня форма та словотвірна семантика назв діяча у сучасній російській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02. Дніпропетровськ, 2004. 18 с.
2. Бердник Л.В. Проблема фразеологичності семантики отглагольного деривата. *Вісник Запорізького державного університету* : Зб. наук. статей. *Філологічні науки*. Запоріжжя, 2010. № 1. С. 15–21.
3. Бердник Л.В. Источники фразеологичності семантики девербатов. *Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство*. Дніпропетровськ, 2010. Вип.16. № 11. Т. 18. С. 38–44.
4. Голянич М.І. Внутрішня форма слова і дискурс. Івано-Франківськ : Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ Прикарпатського національного ун-ту ім. В. Стефаника, 2008. 296 с.
5. Зализняк А.А., Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. *Структурно-типологические исследования* : сборник статей. Москва : Изд-во АН СССР, 1962. 298 с.
6. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва : Наука, 1976. 355с.
7. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского литературного языка. Москва : Наука, 1981. 366 с.
8. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. Москва : Высш. школа, 1965. 240 с.
9. Кубрякова Е.С. Об определении границ ономазиологических исследований. *Проблемы ономазиологии*, IV: Науч. тр. Т. 175. Курск : Курск гос. пед. ин-т, 1977. С. 23–26.
10. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. Москва : Наука, 1978. 115 с.
11. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. Москва : Наука, 1986. 149 с.
12. Кубрякова Е.. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона. *Вопросы языкознания*. 1993. № 4. С. 23.
13. Моисеев А.И. Словообразование и лексика Die beziehung der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen. Peterland, 1991. С. 75–95.
14. Морозова Т.С. О фразеологичності семантики производных слов (на материале отглагольных существительных). *Русский язык в нац. школе*. 1983. № 3. С. 15–20.
15. Мыркин В.Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой? *Филол. науки*. 1998. № 3. С. 22–30.
16. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва : Наука, 1972. 560 с.
17. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Москва : Наука, 1970. 604 с.
18. Пешковский А.М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? *Изб. тр.* Москва, 1959.
19. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути её синхронного развития в когнитивном номинативном аспекте (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. Москва, 1999. 34 с.
20. Проблемы ономазиологии : науч. тр. Т. 21 (144). Орел, 1974.
21. Проблемы ономазиологии, II : Науч. тр. Т. 46 (139). Курск, 1975. 204 с.
22. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка. Москва : Наука, 1968. 298 с.
23. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. Москва, 1998.
24. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слова в языке. Москва : Наука, 1981. 265 с.
25. Флоренский П.А. Термины. *Вопросы языкознания*. 1989. № 1. С. 126–127.
26. Schank R.S. Is there a semantic memory? "Working papers. Instituto per gli Studi Semantici e Cognitivi": Castagnola, Switzerland. 1974. No. 3. Pp. 14–17.

REFERENCES

1. Berdnyk, L.V. (2004). Vnutrishnya forma ta slovotvirna semantyka nazv diyacha u suchasniy rosiys'kiy movi [The inner form and word-formative semantics of derivatives denoting a doer of an action in the modern Russian language] (PhD Thesis): 10.02.02. Dnipropetrovsk: Dnipropetrovsk national university, 18 p.
2. Berdnyk, L.V. (2010). Problema frazeolohychnosti semantyky othlahol'noho deryvata [The problem of latent augments in semantics of deverbatives]. *Visnyk Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu: Zb. nauk. statey. Filolohichni nauky [Bulletin of Zaporizhia State University: Collected articles. Philological sciences]*. Zaporizhzhia, No.1, pp.15–21.
3. Berdnyk, L.V. (2010). Ystochnyky frazeolohychnosti semantyky deverbatyvov [Sources of latent augments in semantics of deverbatives]. *Visnyk Dnipropetrovs'koho universytetu. Movoznavstvo [Bulletin of Dnipropetrovsk University. Linguistics]*. Dnipropetrovsk, issue 16, No. 11, Vol. 18, pp. 38–44.
4. Holyanych, M.I. (2008). Vnutrishnya forma slova i dyskurs [The inner form of the word and discourse]. Ivano-Frankivs'k: Vydavnycho-dyzayners'kyi viddil TSIT Prykarpats'koho natsional'noho un-tu im. V. Stefanyka. 296 p.
5. Zaliznyak, A.A., Ivanov, Vyach.Vs., and Toporov, V.N. (1962). O vozmozhnosti strukturno-tipologicheskogo izucheniya nekotorykh modeliruyushchikh semioticheskikh system [On the possibility of structural-typological study of some modeling semiotic systems]. *Strukturno-tipologicheskoye issledovaniya. Sbornik statey [Structural and typological studies. Collected articles]*. Moscow: AN SSSR, 298 p.
6. Karaulov, Yu.N. (1976). Obshchaya i russkaya ideografiya [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka, 355 p.
7. Karaulov, Yu.N. (1981). Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus russkogo literaturnogo yazyka [Linguistic construction and thesaurus of the Russian literary language]. Moscow: Nauka, 366 p.
8. Kolshanskiy, G.V. (1965). Logika i struktura yazyka [The logic and structure of the language]. Moscow: Vyssh. shkola, 240 p.
9. Kubryakova, Ye.S. (1977). Ob opredelenii granits onomasiologicheskikh issledovaniy [On defining the boundaries of onomasiological research]. *Problemy onomasiologii IV: Nauch. tr. [Problems of Onomasiology IV: scientific papers]*, Vol. 175. Kursk: Kursk gos. ped. in-t, pp. 23–26.
10. Kubryakova, Ye.S. (1978). Chasti rechi v onomasiologicheskoy osveshchenii [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow: Nauka, 115 p.
11. Kubryakova, Ye.S. (1986). Nominativnyy aspekt rechevoy deyatelnosti [The nominative aspect of speech activity]. Moscow: Nauka, 149 p.
12. Kubryakova, Ye.S. (1993). Vozvrashchayas' k opredeleniyu znaka. Pamyati R. Yakobsona [Returning to the definition of the sign. In memory of R. Jakobson]. *Voprosy yazykoznavaniya [Linguistic issues]*, No. 4, p. 23.
13. Moiseyev, A.I. (1991). Slovoobrazovaniye i leksika [Word formation and vocabulary]. *Die beziehung der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen*. Peterland, pp. 75–95.
14. Morozova, T.S. (1983). O frazeologichnosti semantiki proizvodnykh slov (na materiale otglagol'nykh sushchestvitel'nykh) [On the phraseological semantics of derived words (based on verbal nouns)]. *Russkiy yazyk v nats. shkole [Russian language in nat. school]*, No. 3, pp. 15–20.
15. Myrkin, V.Ya. (1998). Vsegda li yazykovaya norma sootnositsya s yazykovoy sistemoy? [Does the language norm always correlate with the language system?] *Filol. nauki [Philological sciences]*, No. 3, pp. 22–30.
16. Obshcheye yazykoznavaniye. (1972). Vnutrennyaya struktura yazyka [General linguistics. Internal structure of the language]. Moscow: Nauka, 560 p.
17. Obshcheye yazykoznavaniye. (1970). Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language], Moscow: Nauka, 604 p.
18. Peshkovskiy, A.M. (1959). V chem zhe, nakonets, sushchnost' formal'noy grammatiki? [What, finally, is the essence of formal grammar?]. *Izb.tr. [Selected papers]*, Moscow.
19. Pozdnyakova, Ye.M. (1999). Kategoriya imeni deyatelya i puti yego sinkhronnogo razvitiya v kognitivnom nominativnom aspekte (na materiale angliyskogo yazyka) [Category of the name of the doer and the way of its synchronous development in the cognitive nominative aspect (based on the material of the English language)] (PhD Thesis): 10.02.04, Moscow, 34 p.
20. Problemy onomasiologii: Nauch. tr. [Problems of onomasiology], (1974). Vol. 21 (144). Orel.
21. Problemy onomasiologii, II: Nauch. tr. [Problems of onomasiology], (1975). Vol. 46 (139). Kursk, 204 p.
22. Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo. (1968). Slovoobrazovaniye sovremennogo russkogo yazyka

- [Russian language and Soviet society. Word formation of the modern Russian language]. Moscow : Nauka, 298 p.
23. Stepanov, Yu.S. (1998). Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka [Language and method. Towards modern philosophy of language]. Moscow.
 24. Teliya, V.N. (1981). Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannyye znacheniya slova v yazyke [Types of language meanings. Associated meanings of a word in a language]. Moscow: Nauka, 265 p.
 25. Florenskiy, P.A. (1989). Terminy [Terms]. *Voprosy yazykoznaneya* [Linguistic issues], No. 1, pp. 126–127.
 26. Schank, R.S. (1974). Is there a semantic memory? *Working papers. Istituto per gli Studi Semantici e Cognitivi*: Castagnola, Switzerland, No. 3, pp. 14–17.